

и Николай Фламель, а другой конец его, затерявшись на Востоке и освященный семисвечником, достигал Соломона, Пифагора и Зороастра» (с. 134). Квасимодо — призрак, набросок человека, слияние действительности с вымыслом, света с тьмой (с. 187). Чудовищно алхимическое смешение. В результате — посмертное ослепительное сияние горних отсветов. В случае *Клода Фролло* — тоже ослепительная, но тьма. Взлет величайшей материальной греховности, с одной стороны, взлет величайшей духовной чистоты — с другой. Инициатор тот же: плясунья *Эсмеральда* — *смарагд* — *изумруд*. И все это — ценой низведения материи, истлевания, угасания ее, освобождения скрытых в ней как темных, так и светлых возможностей — ценой смерти. Но в то же время — преодолевающее себя волевое подвижническое действие, хотя и под Дамокловым мечом рока. *Феб-Солнце* — центральная метафора романа. Между тем представлено это *солнце* безликим, бесстержневым *Фебом* — офицером — никаким. *Гренгуар* приличей *Феба*, но и его никчемность очевидна. *Феб-Солнце-Золото* в романе безличны. Алхимические превращения осуществлены на человеческом материале. И лишь поэтому эти превращения не есть алхимические. Алхимический миф стал новолитературным мифом. Именно так он себя осуществил, хотя и потерял самого себя безвозвратно. Вот почему алхимическое средневековье в романе *Гюго* есть мнение об этом средневековье автора романа. «*Собор Парижской богоматери*» — лишь прочтение мифа о философском камне. Мифотворческое прочтение этого мифа писателем-мифотворцем *Виктором Гюго*. Миф о мифе, а потому совсем иной миф<sup>35</sup>. *Томас Манн*, «*Волшебная гора*» (1912—1924 гг.). Этот роман представляет собой самое, пожалуй, значительное переосмысление алхимического мифа; созвучное юнговской «архетипической» интерпретации алхимии. Напомню сначала внешние алхимические приметы романа. Дается популярный срез алхимического дела: изготовление *золота*, *питьевого золота*, *философского камня*. Наполнение алхимическим содержанием этих прафеноменов алхимии *Манн* осуществляет в свете «*Физики и мистики*» *Псевдо-Демокрита* (VI в.), с коего, по мнению писателя, и началась *вторжение иррационального бродильного материала в мир разумно-полезных идей совершенствования человечества*. Алхимия осуществляет дело *очищения, облагораживания материи*, ее «*транссубстанциацию*», снятие ее *двуполой природы*; обнаружение в ней *двойной вещи (res bina)* с последующим упразднением этой двойственности. При условии, однако, насилия над вещью, магически-педагогического на нее воздействия, ценой смерти — *гробница, тление, очищение* — преодолевающих тленную вещественность. Время здесь не властно. Царит вечность, ибо алхимия изъята из времени. Мнимая действительность: маски и тени. *Оборотничество*, замешанное на *таинстве пресу-*

<sup>35</sup> Данное здесь толкование на алхимический лад романа *Гюго* — лишь одно из возможных; и, конечно же, не исчерпывает иных смыслов этого произведения.